

Е.В. Стародворская

Иркутский государственный университет

**Метаязыковое высказывание
как средство воплощения иронической интенции**

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, связанные с современными лингвистическими взглядами на природу иронии, и доказывается необходимость и продуктивность анализа так называемых иронических метаязыковых высказываний. Последние представляют собой ироническую реакцию автора текста на стимул – языковую или речевую сущность: речь героя, собственную речь etc. Описание сложной взаимосвязи стимула и реакции с ситуацией речи, с интенцией говорящего и реакцией адресата предполагает анализ семантических и прагматических свойств иронических метаязыковых высказываний и их компонентов.

The paper deals with problems related to contemporary linguistic ideas concerned with nature of irony and argues in favour of necessity and efficiency of so-called ironic metalinguistic utterances analysis. The utterances represent author's ironic response to the language or speech stimulus like speech of character, author's own speech etc. Description of complex interrelation between stimulus, response, speech situation, speaker's intentions and hearer's reaction supposes analysis of semantic and pragmatic features of ironic utterances and their components.

Ключевые слова: ирония, иронические метаязыковые высказывания, лингвистическая семантика, лингвистическая прагматика.

Irony, ironic metalinguistic utterances, linguistic semantics, linguistic pragmatics.

УДК: 801.73.

Контактная информация: Иркутск, ул. Чкалова, 2. ИГУ, факультет филологии и журналистики. Тел. (3952) 243995. E-mail: itybrut@yandex.ru.

Современная лингвистика изучает язык в тесной связи с его носителем – с тем, кто создает речевые произведения. Языковой знак интересует лингвистов в его реальном функционировании, *in vivo*: именно особенности употребления единицы свидетельствуют об ее содержании. Так, некоторая критическая масса схожих контекстов, в которых встречается данное слово, позволяет говорить о формировании нового лексического значения. Функциональный подход требует тщательного анализа всех элементов речевой ситуации: интенций говорящего, реакции адресата, условий, в которых совершается данное высказывание etc. В этом отношении особенный интерес представляют иронические высказывания, то есть такие, которые основаны на небуквальном значении языковых единиц и предполагают извлечение этого небуквального значения адресатом, результатом чего становится распознавание интенции говорящего, сопровождающееся комическим эффектом особого рода. «The issues around the recognition of S's (speaker's. – E.C.) intention(s) are bound to become one of the central points of contention of the theory of irony and humor» [Attardo, 2001, p. 168].

Традиционное представление об иронии как, во-первых, разновидности комического и, во-вторых, особом стилистическом приеме уточняется и дополняется в современных исследованиях, где она рассматривается как форма «оценочно-

эмоционального освоения действительности» [Походня, 1989, с. 8], «один из видов языковой манипуляции» [Ермакова, 2005, с. 7], «особый языковой и, шире, семиотический прием» [Шатуновский, 2007, с. 340], вид не прямой коммуникации, прием речевой агрессии и пр. Очевидным образом ирония тесно связана с вынесением суждения, с оценкой, и шире – с опосредованным восприятием окружающей действительности: «...Irony is intimately connected with the expression of a feeling, attitude, or evaluation» [Grice, 1989, p. 53]. Целью иронического переосмысления часто является насмешка, и такая ирония «...не может быть направлена на ситуацию как таковую. Она всегда направлена на лицо, всегда на человека» [Ермакова, 2005, с. 51]. Стимулом, вызывающим ироническую реакцию, в описываемом случае часто является **речевое** действие, совершенное субъектом (собеседником, третьим лицом или самим иронизирующим), его речевое поведение, манера выражаться [Шаронов, 2004, с. 47].

Тесную связь иронии (что бы ни понималось под этим названием в каждом конкретном случае) и речи отмечает большинство исследователей [см., например, Ермакова, 2005; Шаронов 2004; Шатуновский, 2007], однако речевое произведение, по поводу которого делается ироническое высказывание, его сложная многоаспектная связь с ироническим комментарием (то есть связь между стимулом и реакцией), как правило, остается за рамками исследования – в его центре находится объект насмешки. Вероятно, это происходит потому, что типичным материалом при анализе диалогической иронии является разговорная речь, где творческая интенция иронизирующего субъекта вступает в противоречие с законом экономии речевых усилий: говорящему проще использовать, а адресату расшифровывать паралингвистические сигналы иронии, такие как специальная интонация (иногда сопровождающая буквальный повтор реплики-стимула), паузы, усмешка, ироническая улыбка, и средства, которые О.П. Ермакова называет «расхожими иронизмами» (*Поздравляю!*; *Да уж*; *Ну конечно* и пр.). Часто анализируются художественные тексты, однако и здесь предметом исследования в большинстве случаев становятся диалоги героев – ироническая реакция одного на слова другого.

Между тем в художественной литературе и литературе non-fiction главным комментатором, главным иронизирующим субъектом, главным носителем рефлексии является сам автор¹. Реплики героев, способы их языкового существования часто становятся объектом авторского переживания и авторской оценки. «При создании художественного образа... одним из наиболее действенных способов оказывается прагматический подход автора к языковому материалу, и в том числе использование разных конструкций для введения прямой речи персонажа. В конструкциях с прямой речью прагматический подход проявляется, прежде всего, в словах автора, и здесь особенно важно обращать внимание на семантическую связь слов, вводящих прямую речь, с содержанием этой чужой речи, а также с той ситуацией, которая вызвала к жизни ту или иную конструкцию прямой речи» [Ким Менг Хи, 2001, с. 401].

Анализ иронических конструкций, при помощи которых вводится прямая речь, а также других форм иронического острания, среди объектов которого обнаруживаются реплики персонажей, собственная речь, отдельные языковые единицы (комментарии к речи могут касаться самых разных ее аспектов: формы, содержания, намерений ее автора, ее восприятия адресатом и воздействия на него, отношений между автором и адресатом etc.), является плодотворным не только в рамках изучения языка писателя, но в качестве источника получения и верификации сведений о семантическом устройстве иронически использованных единиц, об условиях их употребления, а также в отношении исследования особенностей диалогической иронии. Перед нами ее идеальный случай: стимул (речевое произ-

¹ В том числе и в случаях, когда он использует так называемую маску.

ведение), реакция (ироническое описание этого речевого произведения), ситуация, в которой существуют стимул и реакция. Противоречие между стимулом и реакцией служит средством создания иронического напряжения. Буквальному восприятию авторского комментария к высказыванию (далее такие комментарии мы будем называть метаязыковыми выражениями, ср. использование термина *метаязыковая функция* Р.О. Якобсоном) мешает максимально широко понимаемый **контекст** (которым часто является само высказывание, или ситуация, в которой оно совершается, или и то и другое), противоречащий пониманию метаязыкового выражения как неотрелфлексированного, непереосмысленного.

[Беседа русских с итальянцами] – *Ну, в феврале у нас тоже хорошо. У нас в феврале масленица. – Масленица. Блины едим. – А что же это такое блины? Мы переглянулись. Ну, как этим шарманикам объяснить, что такое блин! – Блин, это очень вкусно, – объяснила я. Но они не поняли. – С маслом, – сказала я еще точнее. – Со сметаной, – вставил русский из нашей компании. Но вышло еще хуже. Они и блина себе не уяснили, да еще вдобавок и сметану не поняли. – Блины, это – когда масленица! – толково сказала одна из наших дам. – Блины... в них главное икра, – объяснила другая. – Это рыба! – догадался, наконец, один из итальянцев (Тэффи. Блины).*

Иронический эффект в приведенном примере достигается путем столкновения буквального значения метаязыкового выражения (далее – МВ) и прямой речи, описываемой при помощи МВ (важны и форма, и содержание этой речи); кроме того, в семантическом конфликте принимают участие языковые единицы, характеризующие событийный контекст. Значение глагола речевого действия *объяснить* I формулируется следующим образом: ‘растолковав, сделать более ясным, понятным’¹. Очевидно, что в данном случае семантическая роль объекта заполнена вербализованной в претексте конструкцией *что такое блин*. Далее, второй член предельной видовой пары *объяснять – объяснить* обозначает событие, подготовленное предельным процессом *объяснять*, причем наступление этого события отделено от усилий субъекта некоторой вероятностной гранью: использование глагола совершенного вида говорит об успехе попытки [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 56] (можно долго *объяснять*, но так и не *объяснить*). Вряд ли высказывание *Блин – это очень вкусно* может быть признано **удачной** попыткой толкования того, *что такое блин*, и описание событийного контекста *Но они не поняли* утверждает нас в этом мнении. Таким образом, буквальное значение глагола *объяснить* не согласуется с речевым и событийным контекстом, а значит (если иметь в виду действие Принципа Кооперации [Grice, 1989]) читатель понимает МВ *объяснила* в смысле, определенным образом противоречащем узуальному (не *объяснила*, а скорее *запутала*), обнаруживает ироническую интенцию автора текста и присоединяется к ней.

Другие МВ, присутствующие в данном примере, похожим способом вступают в конфликтное взаимодействие с прямой речью и ситуацией ее произнесения. Значение МВ *сказала еще точнее* (*точный* 3 ‘конкретный, определенный и исчерпывающий, предельно полный и верный, не приблизительный, не общий’²) – ‘сказала более конкретно, определенно etc.’ (чем было сказано ранее, очевидно). Речение *с маслом*, решающее, как мы знаем из контекста, всё ту же задачу *объяснить, что такое блин*, не может быть признано определенным и исчерпывающим, предельно полным и верным; этот семантический конфликт сигнализирует об ироническом употреблении МВ *сказала еще точнее*.

¹ Толкование значений, если не указано иное, дается по [МАС].

² Значение в полном объеме заимствовано наречием, форма сравнительной степени которого использована в МВ.

МВ *толково сказала*, традиционное значение которого ‘сказала ясно, понятно, вразумительно’ иронически комментирует еще одну попытку объяснения, апеллирующую к типичному случаю поглощения блинов, упоминание о котором и катализировало ситуацию толкования и название которого явно ни о чем не говорит итальянцам.

Узуальное понимание МВ *догадаться* ‘сопоставив немногие имеющиеся факты, без чьих-либо объяснений понять, что Р’ [Языковая картина мира, с. 583], использованного как комментарий к фразе *Это рыба!*, противоречит вербальному и событийному контексту сразу по нескольким параметрам: 1) факты имеются в достаточном количестве (пусть и неважного качества); 2) объяснения были получены; 3) «*догадаться* предполагает, что человек обладает знанием» [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 60] и это знание (Р) в норме является истинным (ср.: **Он догадался, что солнце синее <что Марадона президент Аргентины>* (вне контекста, допускающего такую фантастическую трактовку – описания мыслей художника или сумасшедшего, конспирологического романа и пр.)). Таким образом, МВ *догадался* получает ироническую трактовку. Эта трактовка поддержана дискурсивным словом *наконец*, которое увеличивает контраст между двумя слоями значения *догадаться* и еще более дискредитирует эксплицитный уровень его смысла: *наконец* используется как маркер действия, логичным образом вытекающего из ранее совершенных, чего нельзя сказать о выводе *Это рыба!*.

Нужно помнить, что обычно характеризующее при помощи МВ высказывание служит только поводом для иронии (в композиционном аспекте) и контекстом (в семантическом); объектом же иронической насмешки является человек (иногда даже не автор высказывания), его качества и свойства, манера поведения, особенности мировоззрения и пр. В тексте Тэффи, из которого извлечен проанализированный выше пример, мишенью иронии является убежденность говорящих в том, что «каждый имеет право созидать славу своей родины, как умеет», ирония призвана дискредитировать мировоззрение квасного патриота.

Как мы увидели, причиной иронического переосмысления МВ является прежде всего естественный контекст – форма и значение речи героя, описание речевой ситуации, которые согласуются не с очевидным, обычно нейтральным или одобрительным, смыслом, а с имплицитным. Это семантическое напряжение, разрешающееся обнаружением иронической интенции, может поддерживаться и противоречивостью сочетания языковых средств собственно в авторской речи (ср. *догадался наконец*). Ср.:

[очередь за пивом] *Женщин в толпе было немного, пять или шесть. Они вели себя более шумно и нетерпеливо. Одна из них выкрикивала что-то загадочное: – Пропустите из уважения к старухе-матери!..* (С. Довлатов. Чемодан)

Конфликт между буквальным смыслом слова *загадочное* ‘кажущееся необъяснимым; неясное, непонятное, таинственное’, усугубленным значением неопределенного местоимения *что-то*, и вполне понятным побудительным мотивом, стоящим за речью *старухи-матери*, поддерживается конструкцией МВ: *выкрикивать* ‘громко, отрывисто кричать что-л.’¹ (причем глагол несовершенного вида обозначает неоднократное совершение действия) + *что-то загадочное*, тяготею-

¹ Обычно *выкрикивать* используется в контекстах вроде *Беженцы забаррикадировались в своих квартирах, а очередники собирались внизу в бурлящие толпы, выкрикивали угрозы и даже кидали камни* (В. Токарева. Своя правда); *Каждый раз, когда он выкрикивал чью-то фамилию, в ответ ему слышалось: «Present!»* (А. Дегтярев. Записки legionера); – *А ремня не хочешь? – выкрикнула Татьяна. Она была потрясена* (Л. Петрушевская. Город Света) – примеры из Национального корпуса русского языка.

щее совсем к другому типу употреблений и уж точно перестающее быть загадочным после неоднократного произнесения.

Итак, иронию как многоаспектное и предстающее в разнообразных формах явление удобно изучать на примере таких текстов, где стимул и ироническая реакция вербализованы, и притом творчески. Ирония в художественном произведении не ограничивается простой насмешкой над тем, чья речь вызывает к жизни ироническую рефлексию, а органично встраивается в систему языковых средств текста.

Литература

- Ермакова О.П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга, 2005.
- Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Введение в русскую аспектологию. М., 2000.
- Ким Менг Хи. Оказиональные средства введения прямой речи (на материале романа Ф.М. Достоевского «Бесы») // Слово Достоевского. 2000. М., 2001, С. 401–411.
- МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
- Походня С.И. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев, 1989.
- Шаронов И.А. Приемы речевой агрессии: насмешка и ирония // Агрессия в языке и речи. М., 2004. С. 38–52.
- Шатуновский И.Б. Ирония и ее виды // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 340–372.
- Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2006.
- Attardo S. Humor and Irony in Interaction: From Mode Adoption to Failure of Detection // Say Not To Say: New Perspectives on Miscommunication. Amsterdam, 2001. P. 65–185.
- Grice H.P. Studies in the Way of Words. Cambridge, 1989.